

КЭРРИ ДЖЕНКИНС

ГРУСТНАЯ

ЛЮБОВЬ

РОМАНТИЧЕСКИЙ ПАРАДОКС И

ПОИСКИ СМЫСЛА ЖИЗНИ

18+

Smart

Кэрри Дженкинс

**Грустная любовь. Романтический
парадокс и поиски смысла жизни**

«Издательство АСТ»

2022

УДК 159.9
ББК 88.3

Дженкинс К.

Грустная любовь. Романтический парадокс и поиски смысла жизни
/ К. Дженкинс — «Издательство АСТ», 2022 — (Smart)

ISBN 978-5-17-148825-3

Что, если наше счастливое будущее... не такое, как мы думали? Эта книга о грустной любви. Или, точнее, речь пойдет об эвдемонической любви, в которой есть место для всей гаммы человеческих переживаний, как позитивных, так и негативных. Термин «эвдемония» в исконном смысле относился к благожелательным духам. Правильное понимание эвдемонии сегодня требует, чтобы мы принимали во внимание глубокие и драматические последствия нашей взаимосвязанности с другими людьми: мы должны видеть смысл в сотрудничестве и творчестве. Эвдемоническая любовь – это совместное, творческое и динамичное чувство. Оно ориентирует нас на осмысленную жизнь, но не на «погоню за счастьем». Когда мы сосредоточиваемся на эвдемонии, а не на романтике, мы можем понять, почему грусть и печаль в любви не обязательно являются условием неудачи. Нам нужна новая философия любви. В ней боль и страдания, причиняемые любовью, будут естественной и неотъемлемой частью того, что делает любовь стоящей наших усилий. То, что Кэрри Дженкинс называет «грустной любовью», не предполагает фальшивых «счастливых времен». Скорее она пытается найти способ правильно интегрировать горе и разочарование в жизненный опыт любви. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 159.9
ББК 88.3

ISBN 978-5-17-148825-3

© Дженкинс К., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Предисловие	7
Благодарности	15
Введение	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Кэрри Дженкинс
Грустная любовь. Романтический
парадокс и поиски смысла жизни

Carrie Jenkins

Sad Love

Romance and the Search for Meaning

© Carrie Jenkins 2022

© К. Г. Папп, перевод, 2023

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2023

Предисловие

Когда в 2017 году я решила написать книгу о любви, я не была счастлива. Мне было довольно грустно. Но я по-прежнему была влюблена, или, по крайней мере, так мне казалось. Культурные послы вокруг меня были такими же, как и всегда: быть влюбленной – значит быть счастливой. Счастливой навек. Счастливой *с кем-то*. Вместе.

Я задумалась. Что, если я не счастлива? Что, если я грущу – или, и того хуже, впадаю в депрессию? Значит ли это, что я больше не люблю? Что теперь я равнодушна? Что равнодушны ко мне?

Я искренне надеялась, что ответом на два последних вопроса будет «нет». У меня были все основания думать, что как раз это и *будет* ответом. Хотя я не была счастлива и не знала, когда и как я стану счастливой и стану ли вообще, я не сомневалась, что люблю своих партнеров. Поэтому я – как всякий хороший логик – засомневалась в другом суждении: суждении о том, что быть влюбленной значит быть счастливой.

Будучи философом как по складу характера, так и по академическому званию, я хотела рассмотреть это суждение, чтобы затем сформировать четкую позицию (прежде всего, для самой себя). Почему я ассоциировала романтическую любовь со счастьем? В чем смысл этой ассоциации? Откуда она берется? Каковы ее последствия?

Конечно, мы все знаем, что «и жили они долго и счастливо» – сказочная формула, мы знаем также, что сказки – это выдумки и фантазии¹. Настоящая любовь не всегда счастливая. Я это знала. Но фантазия – сильная вещь, даже если мы знаем, что она такое. Наши фантазии – наши *идеалы* – играют важнейшую роль в формировании наших жизней. Идеал – это то, к чему нужно стремиться, то, с чем мы сопоставляем себя, чего желаем. Возможно, я всё еще чувствовала любовь, но я была склонна думать, что моя грусть – это в некотором роде *провальное* состояние моих отношений. Хорошая любовь – идеальная любовь – должна быть «счастьем навек», не так ли? Утверждая, что романтическое «счастье навек» нереалистично, мы не сможем снизить его статус как идеала, а значит, не уменьшим и его влияния на ощущение, будто мы недотягиваем.

Я думаю, когда я пишу, поэтому в 2017 году я начала писать эту книгу. Но пока я ее писала, мир перевернулся, и теперь он совсем не такой, каким был, когда я начинала. Эта книга выходит в печать в 2022 году на фоне авторитаристских вызовов демократии в самой могущественной стране мира, после нескольких лет наблюдений, как пандемия коронавируса ударяет по всему – от глобальной экономики до наших личных отношений. На написание этой книги у меня ушло гораздо больше времени, чем я планировала. И она стала чем-то бóльшим, чем я изначально предполагала.

«Грустная любовь» вышла за рамки теории романтической любви. Она стала рецептом того, как жить в сегодняшнем мире. Ни грусть, ни даже разбитое сердце не значат, что мы *перестали* любить – партнера ли, страну ли или даже человечество. Но чтобы разобраться с тем, что такое любовь в сложившихся обстоятельствах, мне потребовалось совсем иное понимание любви, чем то, которому меня учили. Оно должно было радикально отличаться от сказок и стереотипов. Любовь, которая не обещает «счастье навек» и, возможно, даже на него не надеется, но от этого не становится меньше или хуже. Любовь, цель и суть которой – нечто иное, чем счастье.

Это всё меняет.

¹ Барбара Розенвейн дает глубокий анализ некоторых образующих любовь фантазий в своей книге *Love: A History in Five Fantasies* (Cambridge: Polity, 2021). – *Прим. авт.*

Но прежде чем приступить, позвольте мне вернуться на шаг назад. Из-за чего же мне было так грустно в 2017 году? Это был период после выхода моей первой книги² о философии любви. Я давала много интервью. *Очень* много³. Видимо, людям нравится говорить о любви. При этом говорить о любви, конечно, получается не так часто – по крайней мере, публично. И я сейчас не о возможности обсудить банальности – как раз этого предостаточно. Я имею в виду говорить о любви *по-настоящему*. Я попыталась превратить книгу в пространство для «странных» вопросов, которые есть у всех нас, для вопросов, которые не принято задавать в приличной компании. Может быть, отчасти именно поэтому я вдруг стала востребованной.

Но дело не только в этом. Интервьюеры часто хотели обсудить не столько мои теоретические находки, сколько мою личную жизнь. В книге я упоминала, что у меня есть и муж, и молодой человек (с согласия обоих). Опираясь на результаты исследований и собственный опыт, я описала некоторые связанные со всем этим трудности – стигму, неловкость, социальное давление. Рассказала, на что может быть похожа жизнь открыто немоногамной женщины с двумя партнерами. (Если кратко: нескончаемый слатшейминг.)

Об опыте немоногамных отношений написано много книг. Почему интервьюеры выбрали именно мою? Предположу, что это связано с тем, кто я. Разумеется, более интересным представителем немоногамных отношений меня мог сделать тот факт, что я женщина: в конце концов, в обществе привыкли думать о моногамии как о чем-то, чего хотят женщины и к чему принуждают мужчин. Но книг о немоногамии, написанных женщинами, тоже довольно много. (Потому что в мире довольно много немоногамных женщин.) Я профессор в университете, и, возможно поэтому люди решили, что я изучила вопрос очень тщательно. Не исключаю, что это тоже сыграло свою роль.

Но думаю, что по большому счету дело было в том, что я работающая белая женщина среднего класса и среднего возраста. Я выгляжу «нормальной» и... мм, уважаемой. Я не похожа на бунтарку, которая нарушает правила и пренебрегает социальными нормами. Я выгляжу средне. Скучновато. Парадоксально, но я думаю, что именно поэтому мною заинтересовались.

Полиамория – это форма этичной немоногамии. Немоногамии в том смысле, что она допускает более чем одного партнера/более чем одни любовные отношения, и этичной, потому что это осознанный выбор всех вовлеченных сторон (в отличие от измены, которая является немоногамией без согласия, т. е. неэтичной).

Помню очерк в журнале «Кроникл оф Хайер Эдьюкейшн». Ее написала Мойра Вайгель, журналистка и писательница, которой я восхищаюсь. В процессе работы над текстом она приехала ко мне в Ванкувер; мы поболтали на террасе моего дома, потом пошли есть суши и поболтали еще немного. Она написала сильный очерк, маленький слепок меня в конкретный момент времени. Читая его, я видела свое собственное отражение в ее мыслях, образ одновременно знакомый и чуждый. Женщина, курившая на террасе и не желавшая обсуждать одну конкретную тему. Чья собака всё еще пахла томатным соком после встречи со скунсом.

Когда было решено, что этот материал будет вынесен на обложку «Кроникл ревью», журнал прислал фотографа ко мне домой, чтобы сфотографировать меня с моими партнерами. Стоит сказать, что перед камерой я не чувствую себя легко и естественно. Когда на меня смотрят, я смущаюсь, чувствую себя неловко. Дело не только в том, что я нервничаю по поводу своей внешности (хотя и это тоже), есть здесь и моральная составляющая. Даже мимолетный взгляд незнакомого человека заставляет меня чувствовать осуждение.

² Jenkins C. What Love Is And What it Could Be. New York: Basic Books, 2017.

³ Вы можете найти их подборку на сайте www.carriejenkins.net/magazines and www.carriejenkins.net/radioandpodcasts. – Прим. авт.

К тому же дом, в котором я тогда жила, был не самой удобной съемочной площадкой. Он был маленьким и темным. Построенные в эдвардианскую эпоху, такие дома – большая редкость в Ванкувере, но у британских экспатов вроде меня они вызывают ностальгию и чувство домашнего уюта. В конце концов фотограф «Кроникл» выбрал лучшее (или наименее худшее) место для съемки – комнату наверху, где я пишу и где есть немного естественного света. Фотограф усадил меня в писательское кресло, позади меня поставил моих партнеров. Затем в поисках лучшего ракурса он залез в забитый одеждой шкаф.

Я очень остро осознавала присутствие моих партнеров, их тел, которые я видела боковым зрением из глубины кресла. Казалось, им обоим, каждому по-своему, было весьма комфортно позировать для фото. Быть теми, на кого смотрят. Выступления перед публикой – один из многочисленных талантов Джонатана: он оперный певец-любитель с великолепным, глубоким, теплым баритоном, который я так люблю слышать в нашем доме. У Рэя многолетний опыт работы перед камерой, всё их существо неизменно излучает мощную модельную харизму, даже когда они просто прогуливаются по Save On Foods⁴.

На снимке мы похожи на команду разношерстных супергероев. Мне это нравится. Мы с Рэем больше не в отношениях, отчего эта фотография значит для меня еще больше: на ней запечатлен мой опыт в любви, который, как я когда-то надеялась, будет со мной всегда, но спустя несколько лет он кажется мне чуждым и далеким.

И вот она – обложка «Кроникл ревью» под заголовком «Сможет ли Кэрри Дженкинс сделать полиаморию чем-то респектабельным?» Всего-то!

Респектабельным. Какое двусмысленное слово. Пыталась ли я на самом деле сделать полиаморию респектабельной? Разве я хотела этого? Я бы хотела, чтобы полиамория и другие «странные» формы отношений уважали так же, как и «нормальные» отношения. Но хочу ли я, чтобы они стали буржуазными, чопорными, конвенциональными?

Старинное журналистское правило гласит: если в заголовке есть вопрос, то ответ на него «нет». Думаю, это правило применимо и здесь тоже. Никто не способен сделать это в одиночку. Я умею заводить разговоры и подталкивать их в малоисследованных направлениях. Именно в этом я вижу предназначение своей работы в качестве философа.

И все-таки предлагаю вернуться к тому, почему я грустила. Когда вышла книга «Что такое любовь и чем она могла бы быть» (*англ.* What Love Is and What it Could Be) и я давала все эти интервью, доброжелательные друзья и коллеги говорили мне: «Наверное, тебе приятно, что твоя книга привлекает столько внимания!» Но приятным это не было.

Во-первых, я интроверт. Во-вторых – и в-главных, большая часть внимания была чистой ненавистью. Вскоре после публикации книги «Эй-би-си Найтлайн» выпустили короткий сюжет о моей жизни и работе, который транслировался по национальному телевидению США. Они также выложили его на своей странице в Facebook⁵. Самыми популярными комментариями стали: «Аморально», «Уроды», «Тронутые на голову», «Больные», «Глупо» и «Интересно». (Спасибо вам, кто бы вы ни были, за то, что плывете против течения.)

Некоторые пишут развернутые комментарии. «ЭТА ЖЕНЩИНА – МЕРЗКАЯ ТВАРЬ», – написал некто под одним из моих старых видео на YouTube:

«Что за ненормальная с радикально левыми взглядами, желающая полностью уничтожить западную христианскую цивилизацию. Кэрри, Я ОБЪЯВЛЯЮ ВОЙНУ твоим моральным идеалам! Все истинно верующие на этой планете должны осознать, что МЫ ВОЮЕМ против таких коммуняк. И точка. О, забыл добавить: КЭРРИ, ЧТОБ ТЫ ПОДАВИЛАСЬ. Спасибо и

⁴ Сеть супермаркетов в Западной Канаде. – *Прим. пер.*

⁵ Здесь и далее: Facebook и Instagram – сервисы, принадлежащие компании Meta, признанной в РФ экстремистской организацией, ее деятельность запрещена на территории РФ. – *Прим. изд.*

желаю всем старых-добрых богоугодных мамы, флага и яблочного пирога⁶. Боже, благослови Америку. Пусть Свобода Звенит. Защищайте свои права на Вторую Поправку. Иметь счастливые, построенные на христианстве браки с потерянными [sic] христианскими детьми, которые принимают в свои объятия сырых и дают им хлеб и...»

Это продолжилось в еще нескольких сообщениях, ни в одном из них ничего обнадеживающего.

Мое ментальное здоровье резко ухудшилось. Честно говоря, дело было не только в книге. В то время в мире много чего происходило. В период между написанием книги и ее небольшой презентацией в книжном магазине моего университета в феврале 2017 года самая могущественная страна в мире избрала своим лидером Дональда Трампа. Ненависть была на подъеме всюду, или, по крайней мере, создавалось такое впечатление.

В одном любимом мною исламском хадисе (изречении) говорилось: «Если Судный день разразится, когда вы будете сажать новое дерево, продолжайте его сажать». И я пыталась, я правда пыталась. Но то было сложное время для того, чтобы вовлечь людей в беседу о тонкостях и нюансах любви.

Тем временем на меня выливалась ненависть. Всякий раз, когда интервью или статья выходили в заметном издании, за ними следовал поток гнусных отзывов. Общественность не слишком благосклонно относится к женщинам с идеями. (Это никакая не новость – на пути поиска мудрости женщин исторически не встречали с распростертыми объятиями. Интернет всего лишь предлагает новые способы сжигать и топить ведьм.)

В тот момент всё это было размыто. Но, оглядываясь назад, я могу распределить ненависть по трем потокам. Первый поток – для ненависти к феминисткам. Однажды мой аккаунт в «Твиттере» утонул в ненависти после моей статьи для испанской газеты «Эль Паис», заголовок которой (возможно, единственное, что прочитали многие читатели) звучал так: «Полиамория – это феминистский вопрос». Статья была опубликована на испанском языке, и большинство комментариев было, соответственно, на испанском. Я не говорю по-испански, но меня удивило, как много я смогла понять⁷.

Второй поток – для ненависти к шлюхам. Я женщина и публично заявляю о своей полиаморности, поэтому меня называют всеми уничижительными словами, которые только придуманы для распутной женщины. У этих слов нет мужских эквивалентов. Это было ожидаемо, впрочем, знать, что что-то предстоит, – не то же самое, что испытать это на себе.

К третьему потоку я попросту не была готова: им оказался расизм. Мой муж Джонатан азиатского происхождения, Рэй, мой второй партнер в тот период времени, – азиат, я же – белая женщина, большую часть своей жизни пользующаяся привилегией не сталкиваться с расизмом. «Рэй и Джон [sic] выглядят как братья...» – написали мне в одном анонимном письме. «Они оба китайцы? Спорим, они готовят тебе на завтрак вкусные спринг-роллы, вот только чьи роллы лучше...» Одно сообщение в Facebook – полностью – гласило: «Мерзость! Неужели азиаты – единственные мужчины, которые готовы тебя е***?»⁸

Я знаю, что удержаться сложно, но решение этой проблемы не начинается со слова «Просто...». *Просто не читай комментарии; просто не говори о полиамории; просто удали аккаунт в Twitter, YouTube, смени электронную почту, не приближайся к интернету и публичным*

⁶ Флаг (иногда «звезды и полоски»), материнство, яблочный пирог – патриотические символы США. – Прим. пер.

⁷ На меня обрушилась ненависть от лица *феминисток* – или, по крайней мере, людей, считавшими себя феминистками, – за то, что я бросила вызов преобладающей норме, согласно которой все отношения должны быть моногамными. У меня сложилось впечатление, что эта критика исходила от людей, которые услышали только то, что лично я не моногамна, но не заметили мою критику того, как институт компульсивной моногамии поддерживает патриархальный статус-кво. – Прим. авт.

⁸ Подобные пересечения сексуализированного и гендерного расизма были менее удивительны для моих партнеров. – Прим. авт.

дискуссиям. Это не решения проблемы. Если я перестану говорить и перестану включаться в обсуждения, игра будет проиграна. Кроме того, подобные реакции на мою работу – материал для моих исследований, мой ориентир. Они помогают мне понять социальную механику, действующую за кулисами. Эта работа мне небезразлична, и закрыть на это глаза значит сдать.

Бывают ли другие стратегии, кроме молчания? Один из вариантов – говорить еще больше. На некоторых публичных выступлениях я начала открыто заявлять о своем плохом психическом здоровье. Я говорила о том, что из-за депрессии мне сложнее решать задачи, с которыми я когда-то справлялась без труда. Сначала я намеревалась оправдать этим ухудшения в моей работоспособности, но я заметила, что аудитория с теплом встречает подобные признания. Я делала видимым то, какой ценой дается мне моя работа, и публике казалось это важным.

Кроме того, я начала признавать ошибки, допущенные мною в процессе работы, а не скрывать их. Было больно. Стыдно. Я еще больше говорила о собственном стыде, и ко мне вернулось чувство облегчения и признания. В академических кругах мы приучены воспринимать наши ошибки как неудачи, признаваться в них считается слабостью. (Академическая сфера может быть немилосердной. Идеи и идеологии застаиваются, гниют. Не думаю, что это совпадение.)

Еще одна возможная стратегия – это не делать ничего вообще. В статье в «Американ Спектейтор», посвященной мне и другим авторам, говорилось, что теперь мы, феминистки, «ненавидим даже любовь». Материал разлетелся по Сети, благодаря чему я обрела новых читателей, которые иначе не узнали бы о моем существовании. Вокруг меня постоянно кружат вихри из современных представлений о любви, и я могу изменить их движение одним своим присутствием. Даже (или, возможно, особенно) когда я стою не шелохнувшись.

Стратегия, которая *не работает*, – это отступление в академическую сферу. Проблема этой стратегии заключается в том, что в академической среде – или, если на то пошло, где-либо вообще – невозможно укрыться от идей и культуры, формирующих нашу жизнь. Академическая сфера состоит из людей, а люди несут нажитый ими опыт всюду, куда бы они ни направлялись.

Я работаю на академической кафедре философии, а философия – это дисциплина, печально известная тем, что в ней (всё еще) доминируют мужчины. Женщины в философии – это вызов ее самовосприятию как гиперрациональной, гиперлогичной, гипернаучной дисциплины, ибо эти качества определяют как мужские. Эта дисциплина представляет свою историю как процессию «великих мужчин»: Сократ, Платон, Аристотель, Кант, Витгенштейн, Ницше. Возможно, она допускает присутствие случайной женщины, демонстрирующей эти мужские качества – громкий голос, агрессивный тон в споре, – но ее скорее терпят, нежели почитают. Согласно одиозному изречению Сэмюэла Джонсона, «читающая нравоучения женщина похожа на собаку, идущую на задних лапах: получается не очень хорошо, но вы удивлены тем, что это вообще происходит».

До того как самой стать философом, я представляла себе философию чем-то более гуманным. В большей степени построенном на сопереживании и совместной работе. Чем-то, что принадлежит всем и каждому, а не только паре экспертов, работающих в четко разграниченных вотчинах престижа. Я представляла себе философию как вечный разговор, как масштабное сотрудничество. Но всё это идет врозь с обыденными заботами академических институтов в реальности: тревоги о рейтинге, грантовые доллары, премии и репутация. Исследовательские мечты стольких хотели-бы-стать-философов задавлены подобными вещами. Обречены на смерть от многотысячных порезов административными бумагами.

Современная модель функционирования университета похожа на зависимость от видеоигр или социальных сетей. Мысли о «победе» и «статусе» стимулируют нас продолжать играть, скроллить, а в это время жизнь, о которой, как нам казалось, мы мечтали, утекает сквозь

пальцы⁹. Постоянное сравнение себя с другими вызывает тревогу и паранойю, поскольку мы чувствуем, что не соответствуем требованиям¹⁰. Нас убеждают, что мы не можем ни на секунду покинуть беличье колесо, иначе мы отстанем. Нетрудно понять, почему самые разные проблемы замалчиваются академическими институтами, стремящимися удержать статусных «звезд», сохранить имидж, сохранить позиции.

Я оглядываюсь в прошлое и думаю, что была одной из собак Джонсона. Я научилась ходить на задних лапах, рано получила повышение, у меня был отличный послужной список публикаций и множество приглашений на международные конференции. В соответствии со всеми усвоенными мною показателями я чувствовала себя «победительницей». Я с удовольствием сравнивала себя с другими людьми и радовалась большой разнице между нами. Я не горжусь этим.

Но было приятно думать, что отступление в укромный уголок академической среды возможно, было приятно довольствоваться репутационными оценками и грантами. Когда сегодня люди говорят мне, «наверное, это приятно», знать, что моя работа привлекает внимание, я пытаюсь объяснить, каково это. На самом деле это сложно. Местами ужасно. Но я всё равно считаю, что это стоит усилий. Я пытаюсь делать работу другого толка, и у меня получается неуклюже, мне неудобно. Я не могу опираться на свои достижения (какими бы они ни были), потому что они не приведут меня туда, куда я направляюсь. Даже приблизительно. Как только я начала исследовать любовь и пытаться вынести свои идеи за пределы узких стен академической философии, я поняла, что мне нужны навыки, которые мне не удалось развить за десять лет академического обучения.

В первую очередь мне нужно было научиться другим способам коммуникации. Я умела писать только для своего маленького уголка академической среды. Оказалось, научный стиль не откроет путь к сердцам и умам большинства людей. (Кто бы мог подумать!) Поэтому я снова пошла учиться. И это не метафора. Я поступила на магистерскую программу литературного мастерства в своем университете. Я снова стала студенткой, училась на заочном отделении параллельно с основной работой.

Всё мое академическое образование было направлено на строгую аргументацию – проведение четких, прямых, черно-белых линий от одной точки к другой. Не поймите меня неправильно: я благодарна за этот навык, и признаю, что оттачивать его на протяжении многих лет моего обучения было привилегией. Это не только академический навык, благодаря которому я пишу статьи, это жизненный навык, благодаря которому я выживаю. Но, как любой инструмент, он ограничен, и есть определенные виды философской работы, где он неприменим. И к некоторым из этих видов работы меня непреодолимо влечет. Поэтому мне пришлось освоить другие навыки, но не для того, чтобы заменить те, что я накопила за первые сорок лет жизни, а чтобы их дополнить.

Я учусь писать и думать как писательница, поэтесса или журналистка, а иногда как все они одновременно. Это не значит, что вести прямую, четкую аргументацию *неправильно*. Бывают случаи, когда затейливые черно-белые рисунки – лучший способ что-то проиллюстрировать: например, когда важны мелкие технические детали, а всё остальное отвлекает внимание. Но вы не сможете изобразить реалистично многослойный пейзаж с рассеянным внешним

⁹ Тхи Нгуен предлагает отличное описание этого феномена в девятой главе «Геймификация и захват стоимости» новой книги *Games: Agency as Art* (Oxford University Press, 2020). – *Прим. авт.*

¹⁰ Среди последних работ, посвященных этому феномену, можно назвать работу Джин Кюн Ли *The effects of social comparison orientation on psychological well-being in social networking sites: serial mediation of perceived social support and self-esteem* (*Current Psychology* (2020), pp. 1–13) и работу Д. Шмук и ее соавторов *Looking up and feeling down: the influence of mobile social networking site use on upward social comparison, self-esteem, and well-being of adult smartphone users* (*Telematics and Informatics*, 42 (2019), pp. 1–12). – *Прим. авт.*

светом и сложными тенями, если прямые черно-белые линии – единственный известный вам прием.

Я получила степень магистра изящных искусств во время пандемии коронавируса и вместе с другими студентами 2020 года праздновала выпускной онлайн. Но на протяжении нескольких предыдущих лет я превращалась из профессора в студентку и наоборот всякий раз, проделывая путь от кафедры философии до кафедры литературного мастерства и обратно.

Мне не кажется странным делать несколько вещей одновременно, играть сразу несколько ролей. Мне нравится это больше, чем концентрация на одном, чем специализация, которую принято считать нормальным путем в науке. Мой разум работает лучше (и способен на большее), когда он фиксируется на широкой базе.

Точно так же мне не кажется странным находиться в нескольких отношениях одновременно. Более того, в моменты трудностей с психическим здоровьем иметь поддержку большего числа любящих партнеров – очень удобно. Работа по поддержанию меня не должна ложиться на одного человека.

Что возвращает меня к той грусти, о которой я говорила ранее. Легко представить, как партнеры могут отреагировать на решение их любимого человека продолжить работу, которая, очевидно, сделала ее несчастной. Легко представить себе озабоченность или расстройство, за которым последует совет уволиться и вернуться к прежней комфортной жизни. Легко представить, что партнер просто не захочет быть со мной, если я настаиваю и продолжаю делать себя несчастной. Разве любовь не должна быть исключительно «счастьем навек»?

Но ведь любовь «должна» быть и моногамной, а моя не моногамна. В самые тяжелые моменты моей депрессии даже любовь моих партнеров не могла сделать меня *счастливой*, но она сделала меня и мою работу возможной.

Их признание и поддержка того, кем я решила быть и что я решила делать, были выражением любви. Им бы не был совет уволиться. Размышления об этой разнице – между любовью, которая заставляет меня чувствовать себя счастливой, и любовью, которая заставляет меня чувствовать себя возможной, – и подтолкнули меня к главному выводу этой книги, ставшей новой теорией любви. Эта новая теория не спорит с моей первой книгой «Что такое любовь», не стремится ее заменить, но она затрагивает другую часть проблемы. Эта книга – о моей теории грустной любви. Или, точнее, о моей теории эвдемонической любви, в которой есть место для всего спектра человеческих переживаний и эмоций, положительных и отрицательных, счастливых и грустных.

Эвдемоническая любовь в буквальном смысле значит «любовь в окружении добрых духов». Мне потребуется время, чтобы объяснить, о каких «духах» идет речь, зато я успею объяснить, какое отношение эвдемония имеет (и не имеет) к романтике, счастью и поиску смысла жизни. Я перестала задавать старый вопрос, который привыкла считать самым важным, – как быть «счастливой до конца дней». Этот вопрос меня больше не интересует. Не кажется мне важным.

Вот так амбициозно я пообещала вам «новую теорию». Новая теория? Что-то вроде великой новой идеи? Творение невероятно самобытного гения?

Миф о великой идее работает точно так же, как и миф о «великом мужчине». На самом деле эти две мифологии идут рука об руку: мы представляем наших «великих мужчин», например Дарвина или Ньютона, придумывающих свои «великие идеи», например эволюцию или гравитацию, и мы представляем, как они делают это в одиночку, точно они существуют в интеллектуальном вакууме. Мы игнорируем вклад других людей, особенно таких «иррелевантных», как парикмахер Дарвина, который рассказывал ему о своем опыте с породистыми собаками¹¹. Мы игнорируем влияние уже существовавших идей, особенно тех, что мы не считаем респек-

¹¹ См. например, Janet Brown E. Charles Darwin: Voyaging (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1996). – Прим. авт.

табельными, таких как алхимия и оккультизм¹², а ведь они завораживали Ньютона и вряд ли не соприкасались с его желанием теоретически обосновать «невидимые силы», действующие во Вселенной.

В действительности же великие идеи развиваются, живут и умирают в интеллектуальных экосистемах и будучи их частью. (Разумеется, как и ужасные идеи. И посредственные идеи.) Когда я обещаю вам новую теорию, я обещаю построить нечто из кусочков и деталей, которые я отыскала в своей экосистеме. Некоторые из этих идей очень-очень старые, другие появились совсем недавно. Я похожа на сороку, собирающую в своем окружении блестящие идеи. Я курирую. Большинство из того, что я собираю, далеко от точных наук (хотя в некоторых случаях близко к науке). Однако важно то, что я пытаюсь из этого построить.

Я сумею выстроить «новую теорию», если найду достаточно блестящих кусочков, чтобы соорудить зеркало. И тогда это зеркало покажет нам, что мы должны увидеть.

¹² См. *Maynard Keynes, J. Newton, The Man*, https://mathshistory.st-andrews.ac.uk/Extras/Keynes_Newton/. – Прим. авт.

Благодарности

Я безмерно благодарна Джонатану Дженкинсу Ичикаве, Тайлеру Николу, Купче Кейтлахмуксину, Меццо, Друзилле и Севен, а также всем хорошим даймонам среди моих друзей и членов семьи.

За беседы, вопросы и комментарии я благодарна Дорити, Элис Маклахлан, Шеннон Деа, Алану Ричардсону, Джасперу Хитону, Елене Маркович, Челси Розенталь, Доминику Алфорду Дугиду, Кэт Прюитт, Киму Браунли, Крису Стивенсу, Фатиме Амиджи, Киту Мейяру, Рэю Кларку, Адриане Джонс, Мариан Черчланд, Джессике Лэмпард, Алиссе Браззо, Сьюзен Сехрист и Рэю Хсу. Также я благодарю слушателей Университета Манитобы, Университета Саймона Фрейзера, а также серии «Меньшинства и философия» от Flash Talks, где обсуждались ранние версии текста.

Мой терпеливый редактор Паскаль Поршерон и два анонимных рецензента издательства Polity предоставили мне содержательный фидбэк, который помог придать книге ее окончательную форму.

Отрывки из текста и/или относящиеся к нему материалы можно встретить в ранее опубликованных работах:

- “When Love Stinks, Call a Conceptual Plumber,” in E. Vintiadis (ed.), *Philosophy by Women: 23 Philosophers Reflect on Philosophy and Its Value* (London: Routledge, 2020).

- “Love isn’t about happiness. It’s about understanding and inspiration,” *New Statesman*, April 2020.

- “How to ‘love-craft’ your relationships for health and happiness”, *The Conversation*, September 2018.

Я работала над книгой на исторических отнятых территориях Маскуам, Скуомиш и Цлейл-уотут Первых наций.

Введение

Скажите философу, что вы ее любите, и приготовьтесь дать определение использованным терминам.

Это смешно, потому что это правда. В какой-то степени. Некоторые философы всю жизнь работают над определением или анализом понятий. И это не патология. Это важно. Стоит поместить под микроскоп такое понятие, как *любовь*, и вы увидите, насколько оно зыбкое и неоднозначное. Насколько оно многослойное. Обо что в нем можно уколоться. Скрытые от невооруженного глаза паттерны вдруг становятся захватывающими объектами изучения.

Вот почему некоторые из нас проводят жизнь, пытаясь рассмотреть всё это получше. Философия в своем лучшем виде обеспечивает нас богатым набором инструментов для интеллектуальной работы и работы с образами: новыми способами взглянуть на вещи. Разумеется, речь идет о понятийных микроскопах, но также о понятийных телескопах, и искажающих зеркалах, и цветных линзах... нам требуются самые разные инструменты. Нам необходимо изучать эти понятия как вблизи, так и внимательно рассматривать те из них, что кажутся далекими; мы нуждаемся в способах смотреть на вещи под новыми углами, через разные фильтры. Это касается и тех вещей, которые *кажутся нам* понятными и привычными. Исследование именно этих вещей особенно важно, поскольку они часто влияют на структурирование нашего образа жизни (независимо от того, осознаем мы их влияние или нет). Преломление и рассеивание наиболее знакомых образов открывает нам нечто совершенно новое, возможно, то, что мы никогда не предполагали увидеть.

Как я заметила в предисловии, эта книга – попытка соорудить концептуальное зеркало. Я стараюсь отразить в нем образ нас самих, в частности, наши представления о романтической любви, ее идеалы. Образ, который в итоге у меня получился, не особенно лестный. Он практически гротескный. Безусловно, в нем есть искажения. Но, как я уже сказала, иногда, чтобы увидеть привычное иначе, нам нужен новый угол зрения, другая точка обзора.

Моя отправная точка – любопытство к реальному опыту *грустной любви* – любви, которая опровергает предположение, будто любовные истории заканчиваются «счастьем навек». Грустную любовь в современных песнях и историях чаще всего рисуют как ситуацию провала: это катастрофа и трагедия. Но я думаю, что всё гораздо сложнее. Реалии грустной любви – намек, что мы упускаем что-то из вида. Мы что-то упускаем, рассказывая только определенные истории о любви. Конечно, грустная любовь не может быть «счастьем навек». Но она может быть чем-то другим, и я буду называть ее *эвдемонической* (подробнее об этом слове чуть позже). Эвдемоническая любовь переплетена с творческой активностью и наполнением отношений смыслом того типа, который невозможно обрести в погоне за «счастьем навек».

Но кто эти «мы», о которых я всё время говорю? Слова вроде «мы» ведут себя весьма коварно. Если мы теряем бдительность, «мы» склонны негласно исключать «их». За простым словом скрывается масса предположений о том, *для кого* пишут, кто включен, а кто исключен, кто нормальный, а кто «другой».

В рамках этой книги «мы» относится ко мне и к моим единомышленникам в вопросах романтической идеологии. Данное «мы» определяется людьми, которых кормили тем же культурным бульоном, что и меня, как и я, впитавшими в себя «выученную мудрость» о том, что такое (настоящая) романтическая любовь. В самом широком смысле это те из нас, для кого доминирующая (белая, патриархальная, капиталистическая и колониальная) культура Северной Америки и Великобритании стала базой для формирования мировоззрения. Весьма неоднозначный и путанный способ определить целевую аудиторию, однако эта неоднозначность намеренна. Это единственный способ охватить группу, на которую я ориентируюсь и которая

сама по себе неоднозначна. Эта книга о – и для – тех из нас, кто до сих пор барахтается в этом бульоне.

Бульон этот по большей части состоит из рассказанных историй. И наши истории любви поразительно однородны, точно мы снова и снова рассказываем одну и ту же историю. Вот ее краткая версия:

А и Б сидят на пеньке,
ЦЕ-ЛУ-ЮТ-СЯ.
Сначала влюбятся, потом поженятся,
потом родят малыша¹³.

Мы рассказываем эту историю детям. Они знают ее с ранних лет, еще до того, как у них сформировались критическое мышление взрослого человека и детекторы брехни – защитная броня разума. Мы кормим детей этой историей, этой порцией культурного бульона в простой рифмованной упаковке, благодаря чему они так легко ее проглатывают и повторяют другим. Снова и снова они узнают о ней из сказок и рассказов, а также из отрывков взрослой культуры – из ромкомов, любовных романов, поздравительных открыток ко Дню святого Валентина. И разумеется, дети наблюдают за взрослыми, которые воспроизводят эту историю в реальности. Став взрослыми, мы должны воплощать эту историю в жизнь, или, по крайней мере, сделать всё возможное, чтобы ей соответствовать. Ради детей. Если мы не можем или не хотим соответствовать этой истории, *мы должны не допустить того, чтобы дети это заметили.*

Это напоминает мне слова Витгенштейна о правилах: мы попросту продолжаем. Мы называем это «следованием» правилу. Однако как бы это ни ощущалось изнутри, на самом деле мы ничему не «следуем». Наш путь не предопределен существующими ограничениями: он определяется нами. Мы создаем правила, идя тем путем, который мы прокладываем.

Не буду утверждать, что так работают все правила, но это применимо ко многим из них. В частности, большинство известных нам «правил» романтической любви – последствия наших поступков, как индивидуальных, так и совершаемых в социальных группах. Практикуя любовь определенным образом, представляя ее только такой, мы создаем правила, нормы и ожидания того, как должны выглядеть любовные отношения. Всему этому мы учим детей. Мы воспроизводим и называем это «движением вперед». И речь идет не только о формировании правил, но и о формировании «нас самих».

Разумеется, этот процесс не заканчивается, когда мы вырастаем. На нас постоянно обрушиваются культурные послы. Они наступают на нас со всех сторон, заполняют все доступные медиумы: журналы, новости, музыку, друзей, коллег, членов семьи. Всё что угодно может стать аватаром, передатчиком культурного бульона. (Вы когда-нибудь замечали, каким количеством текста вы окружены в ванной, пока чистите зубы?)

Мы не способны заглушить всё это полностью, но мы можем уделять этому внимание осознанно. На самом деле мы *обязаны*

¹³ X and Y sitting in a tree, K-I-S-S-I-N-G. First comes love, then comes marriage, then comes baby in a baby carriage (англ.). Детская песенка в североамериканской традиции. Сравним с дразнилкой «Тили-тили-тесто, жених и невеста» в русскоязычной традиции, однако в американской песне прослеживается традиционный сценарий в любви, который критикует Кэрри Дженкинс. – Прим. пер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.